

Д. Д. Доржиева

ПРАЗДНИКИ ЦВЕТОВ КАК ПЕРЕЖИТОК ДРЕВНЕГО КУЛЬТА ПЛОДОРОДИЯ У УЙГУРОВ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА

В статье рассматриваются праздники цветов у уйгуров Восточного Туркестана, связанные с культом природы, выраженного в возможности вызывать плодоношение магическими средствами. Полевые материалы автора статьи и использование анализа данных об обрядовых элементах праздников цветов, наблюдаемых у других оседлых туркестанцев (на примере таджиков и узбеков), позволяют понять сущность и историческое значение этого обычая.

Ключевые слова: праздники цветов, культ плодородия, доисламские пережитки, оседлые туркестанцы.

Идея о возможности и необходимости помогать природе в плодоношении магическими способами породила многие древние культы, в своей основе являвшиеся выражением культа природы. Народы Средней Азии давно прошли этот этап истории, но в их быту и обрядах до сих пор сохраняются слабые его отголоски.

К настоящему времени в литературе и фольклоре, а еще больше в полевых записях, накопилось много отдельных фактов, которые, сведенные вместе и проанализированные, показали широкое распространение в прошлом обычая праздновать зацветание некоторых растений и позволяют понять сущность и историческое значение этого обычая. Описания праздников цветов у таджиков и узбеков имеются в полевых записях, собранных Ю. В. Кнорозовым, М. Н. Рахимовым, Е. М. Пещеревой, Н. П. Лобачевой, Б. Х. Кармышевой, А. Х. Хамраевым, Г. П. Снесаревым, М. С. Андреевым, Н. А. Кисляковым и т. д.

Праздники цветов в отечественной и зарубежной историографии изучены недостаточно в целом, у уйгуров эта тема вообще не исследована. С помощью нового полевого материала, собранного автором статьи в Синьцзяне¹, в контексте с ранее добытыми полевыми данными о праздниках цветов у таджиков и узбеков возможно провести параллели с уйгурским вариантом их проведения.

Согласно народным верованиям, перешедшим от арабов, первый поворот от суровой зимы к весне происходит сначала в воздухе (20 февраля), через неделю в воде (27 февраля) и затем на суше (6 марта)². Во время последнего этапа потепления на суше крестьяне

совершали ряд ритуальных действий и обрядов, которыми отмечали начало весеннего пробуждения природы. Эти обряды одновременно должны были способствовать постепенному переходу к весне, подготавливали победу живительных сил природы, которая отмечалась в Навруз.

В конце XIX – начале XX в. у уйгуров были распространены следующие народные праздники цветов: *гул барра сайли* или *бойчечак* – праздник молодых цветов; *кизил гул сайли* или *лола сайли* – праздник красного цветка; *сайли гули сурх* – праздник роз (п. м.). В разных регионах Синьцзяна в зависимости от климатических условий, географического расположения, ландшафтного фактора названия праздников могли варьироваться.

По сообщениям информаторов, у уйгуров праздники цветов были растянуты во времени и представляли собой как бы цикл, который охватывал все этапы полевых работ, связанных с выращиванием пшеницы как одной из важнейших сельскохозяйственных культур.

Появление подснежников (*бойчечак*) означало начало пахоты; тюльпана (*лола*) или мака – начало сева; розы (*сурх*) или джиды – наступление времени жатвы.

Подснежники собирали мальчики, отправляясь за ними в степь небольшой компанией. Потом они ходили по дворам, держа в руках букетик *бойчечака* и распевая специальную песенку. Хозяева одаривали их лепешкой или горстью сухих фруктов. Когда *бойчечак* подносили к дому, хозяин или хозяйка выходили навстречу, пригибали к себе шест с букетиком, целовали цветы, проводили ими по бровям (знак почтения) и произносили молитву-заклинание, прося, чтобы *бойчечак* «снял с

них тяжесть и дал свою легкость». Зацветание *бойчечака* оповещало земледельцев о наступлении весенних работ, об оживлении и обновлении природы. Праздник заканчивался большим народным гуляньем. На второй день праздника совершалось паломничество к мазарам, причем женщины и мужчины шли к разным святыням. Женщины шли купаться в реке и после этого расходились по домам. Это купание носило ритуальный характер. Оно сопровождалось песней-заклинанием, целью которого было обеспечить внимание мужа (и, конечно, появление потомства) (п. м.).

Как писала О. А. Сухарева³, у таджиков во время проведения праздника зазывания весны юноши набирали букеты из ранних цветов, привязывали их к высоким шестам, украшали цветами себя и закладывали их за уши, пели песни, в которых восхвалялись весна, птицы и особенно аист, приносящий с собой тепло и весну, ходили от дома к дому, разыгрывали различные шутки и просили вознаграждение – жертву оживающей природе. Непременным условием зазывания весны было приготовление киселя из пшеничного солода, и поскольку для его приготовления требовалось значительное время, готовили его сообща с близкими родственниками и соседями, а затем происходило ритуальное коллективное поедание киселя. Такой обряд должен был вызвать хороший урожай и отвести все грядущие беды. Заговор гласил: кисель – это жертва богу. Люди надевали яркие новые одежды, веселились, устраивали пиры с музыкой, танцами и разыгрыванием различных сценок, связанных с мифическими героями, театрализованные представления из жизни святых и выступления сказочников и рассказчиков. В местах гуляний сооружались качели, женщины и девушки, которым разрешалось принимать участие в Празднике зазывания весны, могли качаться на них. Проводились также праздничные шествия с драконами и фантастическими рыбами, символами плодородия и богатства, с изображениями богатыря иранского эпоса Рустама, одержавшего победу над силами зла.

Первые признаки-оживления природы отмечались различными обрядами, но приход весны, а вместе с ней и начало нового года, по народному календарю, отмечались во время *Наврӯза*, окончательное же торжество весеннего обновления природы происходило в день первых урожаев. Как видим, основная

цель участвующих в первых весенних праздниках – разбудить природу своим весельем, щедростью, обильной пищей, обращениями с помощью высоких шестов с цветами к солнцу и другими магическими обрядами приблизить наступление тепла.

Праздник красного цветка (*кизил гул*) зафиксирован также у узбеков Хорезма. Он описан Г. П. Снесаревым⁴, которому принадлежит честь введения в научный оборот этого интересного обычая. «В этот день проводилось праздничное гулянье вблизи кладбища и мазара Баварис-бобо. Сюда стекалась молодежь со всего города. Девушки и молодые женщины проходили по неширокой дороге мимо кладбища, а юноши и молодые мужчины, стоя вдоль дороги, бросали своим любимыми уже просватанным девушкам розы, яблоки, а также крашеные яйца <...> Розы были символом любви и зарождавшегося счастья». На все вольности смотрели снисходительно, «все, что делалось, считалось простительным». Эта особенность хорезмского праздника прямо перекликается с теми нарушениями обычных норм поведения, которые допускались в дни праздника красного цветка. Таким образом, эта черта не была узкокальней.

Описание праздника «красного цветка» имеется у А. Х. Хамраева⁵. По словам А. Х. Хамраева, «этот праздник <...> был связан с весенним севом», начинался в месяце *Хамал* (март) и продолжался в течение месяца, следовательно, он был посвящен цветку, появляющемуся весной. Праздник отмечался большим базаром, народными гуляньями, в течение месяца передвигался из одного базарного селения в другое. Он предварял «начало нового трудового года земледельца», и знакомые, встречаясь на гулянье, «поздравляли друг друга и желали каждому получить хороший урожай». Как характерную деталь праздника автор публикации подчеркивает свободу поведения, которая «не разрешалась в другое время». По вечерам молодежь распивала специально приготовленное для этого праздника вино (*мусаллас*), это не возбранялось, как и «петь и плясать в общественных местах». Днем на базарной площади происходили выступления острословов, канатоходцев, состязания в борьбе, «бараньи, верблюжьи, петушинные, перепелиные, яичные бои»; устраивалось в эти дни козлодрание. Зрители держали пари на победителей.

Необходимо уточнить время праздника. В сообщении А. Х. Хамраева связь его с *Наврузом* не указана, но сезон его – март – не оставляет сомнений в наличии такой связи, хотя полного совпадения и не было: праздник красного цветка продолжался целый месяц, а Новому году это не было свойственно. Видимо, *Навруз* не стоял особняком, а входил в целый цикл весенних праздников, возможно, как их кульминация.

Празднование *лола сайли* начиналось в период цветения тюльпанов с середины апреля. В это время жители городов и селений с семьями, друзьями, родственниками выезжали на специально отведенные места для гуляний – *сайилгох* (в некоторых местах вблизи кладбищ), где готовили специальные кушанья, устраивали развлекательные игры, танцевали, пели. Дети и девушки собирали маки, тюльпаны, плели венки и сорванную с веточек тала (ивы) кожицу с листочками влетали в косы (п. м.).

Порядок проведения *лола сайли* в селении Исфара очень подробно описан в интересной статье Е. М. Пещеровой⁶, записавшей ряд песен и коляд, поющих во время праздника. Праздновался *лола сайли* в середине апреля и обычно он проходил три дня. Совет старейшин назначал день праздника. В то же время хор репетирует песни, поющие во время праздника. Накануне праздника рубятся отмеченные деревья, их привозят на арбе в селение. Вечером мужчины собираются на *чорсу* (центр базара) посмотреть на проводы *лолачи* – молодых людей, идущих собирать тюльпаны. На следующий день к полудню *лолачи* возвращаются с тюльпанами, и все селение весело и быстро украшают дерево цветами так густо, что дерево превращается в большой красный букет. Затем дерево несут на место *сайля*. Хор сопровождает дерево, на котором сидит юноша. После установления дерева в центре площади, хор поет песни, затем пускают фейерверк и стреляют из ружей. Организаторам и активистам праздника преподносят халаты и в это же время разносят угощения. Второй день праздника проходил примерно так же, устраивались различные игры, состязания и веселье. На третий день праздника совершалось паломничество к мазарам. Женщины шли на мазар Ходжа Абдуллои-сурхи, а мужчины на мазар Ходжа Абдуллои Кабутпуш. Затем день проводили в пении и танцах, и поздно вечером мужчины возвращались большой толпой с факелами на *чорсу*. Этим и заканчивался праздник.

Здесь необходимо отметить, что в празднике *лола сайли* имеются множество похожих элементов с праздником Майского дерева, который был распространен в Англии, Франции, Германии и в других частях Европы⁷.

Обрядовые гулянья в честь пробуждения природы нередко переносились и на мусульманские праздники, отмечаемые по лунному календарю, которые не всегда приходятся на весенние месяцы. Иногда Праздник цветов непосредственно связывается с мусульманскими легендами о священных мучениках, и об этом свидетельствует поверье, что «тюльпаны – это кровь убитого Хусейна, выходящая весной на поверхность земли»⁸. Собрание тюльпанов, согласно некоторым представлениям, символизировало поиски останков божества воскрешающей природы, а связывание тюльпанов в букеты или собирание их в букет-деревце – соединение разрозненных частей его тела как условие его воскресения.

Вышеупомянутые факты, анализ литературных источников и сведений информантов свидетельствует, что *кизил гул сайли* (праздник красного цветка, вероятнее всего, был посвящен весеннему цветку красного цвета: таковыми могли быть в условиях Средней Азии только мак или тюльпан). Из этого можно полагать, что *лола сайли* и *кизил гул сайли* – один и тот же праздник, который уходит своими корнями в глубокую древность.

Близость праздника красного цветка к *Наврузу* становится особенно очевидной в свете исторических параллелей. Новогодний праздник тоже сопровождался боями животных, причем источники раскрывают глубокую основу этого момента: «...стремление по драке отгадать, урожаен или неурожаен будет год». В этой же связи следует рассматривать весенние состязания, переходившие в драку, которые имели место в некоторых районах Синьцзяна еще в конце XIX – начале XX в. (п. м.). Вероятно, все эти состязания всегда имели назначение предсказывать урожай, а может быть, и влиять на него.

К очень ранней эпохе восходит такая деталь праздника красного цветка, как питье вина, несомненно, генетически ритуальное и тоже направленное на активизацию производительных сил природы.

Сайли гули сурх или праздник розы справляется ранним летом и относится ко времени жатвы по фенологическому календарю. Он праздновался во всех крупных селениях. В определенные дни недели проходил праздник.

На празднике участвовали певцы, борцы, он отмечался большим гулянием, развлечениями, вечерней ярмаркой. Ремесленники и торговцы специально готовили продукцию для этого праздничного базара. Бойко шла торговля сладостями, печеньями, детскими игрушками. Острословы, канатоходцы и артисты-кукольники показывали свое мастерство. Для женщин отводились определенные дни (вероятнее всего, среда), когда они шли на праздник *сайли гули сурх*, проводили там ночь и возвращались на следующий день. Праздник розы был распространен по всей Средней Азии, доказательством чему может послужить некоторые топонимы и эпитеты «сурхи», которыми были названы святые места (п. м.).

Б. Х. Кармышева⁹ описала праздник *гули сурх* на юге Узбекистана в Байсуне, где имеется мазар и жила родовая группа ходжей *гули сурх* (в переводе Б. Х. Кармышевой – «ходжи красной розы»). Праздник справлялся примерно в день равноденствия и сопровождался народным гулянием, продолжался он в течении месяца. По мнению Б. Х. Кармышевой, существовал обычай отмечать зацветание роз специальными поминками, проводившимися в год смерти в том случае, когда человек умер, не дожив до этого сезона. На его могилу относили букет роз и погребали в изголовье. Видимо, это делалось с целью приобщить умершего к радостному событию, которое ему не довелось увидеть при жизни.

Таким образом, обычаи сезонных праздников цветов были широко распространены в древности на всей территории Средней Азии и Восточного Туркестана и сохранились в пережитках более поздней исламской идеологии.

Полевые данные о праздниках цветов, собранные в Синьцзяне, подтверждают гипотезу о принадлежности рассматриваемых уйгуров к общей историко-культурной группе оседлых туркестанцев посредством сравнения обрядов, их атрибутики и смысловой нагрузки.

Сущность и историческое значение обычая праздновать зацветание некоторых растений заключается в хозяйственных потребностях земледельца: появление цветов было знаком, который подавала природа, извещая, что настало время приступать к очередному этапу возделывания земли. Это был своеобразный фенологический календарь, следователю которому было прямой необходимостью, чтобы обеспечить получение урожая. Характер праздников цветов имеет направленность гуляний на представление возможности юно-

шам и девушкам видеть друг друга и вступать в общение, которое в быту, с точки зрения мусульманских запретов и затворничества женщин и девушек, было почти невозможным. Представляемая им во время гуляний некоторая свобода являлась прямым нарушением обычных исламских норм. Эта черта праздников цветов была порождена стремлением обеспечить не только условия для общения юношей и девушек (а в еще более далеком прошлом, возможно, и привести к появлению потомства), но и плодородие в целом.

Следовательно, помимо практического значения для нужд земледельца, праздники цветов имели духовно-философское значение, связанное с культом плодородия вообще и с культом умирающих и воскресающих божеств, в частности: олицетворение циклической мистерии жизни, определенной важнейшей для человеческого рода задачей – производство средств к существованию.

Примечания

¹ Полевые материалы автора 2006–2007 гг. в северо-западные приграничные регионы СУАР КНР и Республику Казахстан (г. Кульжа, Турфан, Урумчи, Алматинская область РК, в тексте – п. м.).

² Календарные обычаи и обряды Передней Азии. Годовой цикл. М., 1991. С. 156–157.

³ Сухарева, О. А. Празднества цветов у равнинных таджиков (конец XIX – начало XX в.) // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии : историко-этнографические очерки. М., 1986. С. 31–32.

⁴ Снесарев, Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 183–184.

⁵ Хамраев, А. Х. Праздник красной розы // Изв. АН УзССР. Сер. обществ. наук. 1958. № 6 С. 72–73.

⁶ Пещерева, Е. М. Праздник тюльпана (лола) в селе Исфара Кокандского уезда. Ташкент, 1927. С. 374–375.

⁷ Токарев, С. А. Народные обычаи календарного цикла в странах Западной Европы (опыт структурно-исторического анализа) // Совет. этнография. 1973. № 3. С. 16.

⁸ Пещерева, Е. М. Некоторые дополнения к описанию праздника тюльпана в Ферганской долине // ИС. С. 218.

⁹ Кармышева, Б. Х. Очерки этнической истории Таджикистана и Узбекистана. М., 1976. С. 150.